

18+

Ангел Хаджипопгеоргиев
*Цветок Гильгамеша. Книга
вторая: бессмертие*

Приключения. Фэнтези

**Ангел Хаджипопгеоргиев
Цветок Гильгамеша.
Книга вторая: бессмертие.
Приключения. Фэнтези**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70259887
ISBN 9785006209886*

Аннотация

Вторая книга дополняет первую, хотя действие начинается с 10 века. Альтернативный взгляд на создание розенкрейцеров, масонов и иллюминатов. Кто и как привнес Ренессанс в Западную Европу. Главный лирический персонаж в книге-принц Боян, названный народом-Магесником. Книга может быть прочитана как самостоятельное произведение, как и первый том, хотя оба имеют тематическую связь.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЛАКАПИН	18
СЕРЕБРО РОЗЫ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Цветок Гильгамеша. Книга вторая: бессмертие Приключения. Фэнтези

Ангел Хаджипопгеоргиев

© Ангел Хаджипопгеоргиев, 2025

ISBN 978-5-0062-0988-6 (т. 2)

ISBN 978-5-0062-0989-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тут, во второй части книги, представлены видения, размышления и даже сны Алтимира Алтимировича Алтимирова. Кто именно из троих не имеет значения, и каждый читатель может сам догадаться, какую информацию о Будущем оставил каждый Алтимир в последующих отрывках. Они могут рассматриваться как отдельные прозаические истории, затрагивающие Прошлое, одновременно связанные каким-то образом с повествованием из первой части. А для тех, кто действительно заинтересован в этой саге о Розе Гильгамеша, рассказы после предисловия прольют свет на многие туманные моменты, оставленные без ответа в прочитанном до сих пор. Сознывая, что даже то, что смогли дать нам разные хронисты, писатели и историки, не всегда написано чистой совестью, и человеческий порыв, мы можем продолжить заполнять пробелы гипотезами, фантазиями и полугипнотическими визуализациями. Мы можем принять или не принять всю эту длинную и долгую сказку о розах, семиугольниках, священных граалях и философских камнях. Но есть возможность насладиться фантастическими и не такими фантастическими ситуациями, диалогами и перипетиями, через которые проходят герои, неважно, разворачивается ли действие в 10-м, 13-м, 17-м веке или произошло вчера. В любом случае я рекомендую тем, кто

дочитал до сюда, продолжить еще немного, чтобы заполнить пустоты, оставшиеся после первой части, и получить новую порцию тем для размышлений.

БЕНЯМИН

Николас никогда не говорил нам о божестве и евангелии, даже не носил с собой одно из четырех в течение долгих учебных часов. Так мило преподавал нам, что никто, никогда не задумывался, почему глава всего христианства не постоянно упоминает имя Господа и не произносит ни одной молитвы к нему, в то время как наши другие учителя начинали уроки, не призывая Иисуса, чтобы просить у него любви и благо-

дати. Особенно раздражал этот противный сын императора, Феофилакт Лакапин, который, наоборот, рассказывал нам только о Христе и крестили нас тремя словами, заставляя нас делать это вместе с ним. Моя рука уже болит от постоянно-го крещения, и я молюсь, чтобы этот фанатик убрался отсюда, потому что мы все уже устали от него. Но самые приятные лекции были у Мистика, как его здесь называли и скрыто, и открыто. Он, несмотря на свое патриархальное положение в православии, ходил гораздо просто одетым, чем другие преподаватели, не говоря уже о Феофилакте, который раздражает больше всех дворовых домовых у императора. Итак, Мистик говорил нам только о живой жизни, постоянно цитируя различных греческих просветленных мужей, живших задолго до сына божьего. Его любимец – Аристотель, хотя для меня его наставник был на голову выше по мудрости. Но Патриарх имел чем заполнить нам рот, потому что, когда мы спрашивали его с нахальством своей кипящей крови, он отвечал, что идеи без применения в жизни стоят мало на рынке. И вот он, сидя на своем высоком стуле с подлокотниками, опять направил свою ясную речь времен Александра и Аристотеля, с почти незаметным для греческого щелчком:

– В те времена получить деньги за философствование и написание размышлений мог только гений, как Стагирит. Даже величие его учителя Платона не в состоянии затмить многосторонние способности его блестящего ученика. Да-

вайте посмотрим правде в глаза, чтобы признать, что нужно действительно быть выше других, и это намного выше, чтобы один из величайших убийц в мире выделил средства на результаты, которые не видны и не осязаемы. Да, дети мои, хотя Александр завидовал своему учителю, как делают большинство учеников, он позволил себе с высоты своей могущественной власти подкинуть несколько жалких драхм на развитие философии. И его всем известная забота об искусствах — ничто иное как заблуждение. Очень расчетливая показуха, которую будущие поколения будут повторять, оправдывая его неудовлетворенную жажду крови и, прежде всего, славы. Когда он захватывал различные города перед собой, он в первую очередь интересовался, где живут поэты или скульпторы, чтобы обойти их бойню, но только их. Очень великий филантроп, не так ли? Так что его имя осталось во времени, потому что многие восхищаются его выдающейся способностью убивать людей, захватывать города и народы, а также боготворить себя. Все-таки надеюсь, что в один прекрасный день его стергут из человеческой памяти как разрушителя и вампира. Вот уже сто лет прошло, как мутная река, и имя греческого мудреца Аристотеля не сдвигается с его места в пантеоне, так же как имена Сократа, Пифагора, Фалеса и других выдающихся софистов того времени, когда люди воевали больше своим умом, чем мечами. Вы видите, слава может быть достигнута и умом, и вам много раз придется повторять эти вещи, потому что неко-

которые из вас станут правителями своих народов, а другие – церковей в своих странах, что является высшей ответственностью. Управлять – это не для каждого. Удачливые в этом деле владыки можно пересчитать на пальцах. И знаете, почему большинство из них не могут справиться? Потому что они не знают Историю мира, в основном не берут уроков из нее и продолжают делать те же ошибки, которые допустили их предшественники. Вы здесь, чтобы учиться не только наукам как совокупности знаний, но и учиться морали и этике на их высших уровнях, так как ваше собственное положение среди других будет высоким. Сейчас мы не будем углубляться в философское значение и не будем вдаваться в эти понятия, которые стоики Зенона довели до кристальной ясности, а просто загадаем вам, что без них нет правильного понимания человеческих отношений. Для обычного человека мораль и этика представляются священниками в церкви, но для правителей вещи совсем иные и вам повезло принять их от одного серьезного знатока, да и защитника. Конечно, некоторые из вас отклонятся от них в момент занятия трона и взятия власти, как это делают почти все, но я буду счастлив, буду удовлетворен даже если один из вас внимательно выслушает мои слова и запомнит их в своем сердце...

Тема продолжается в том же духе, и я украдкой смотрю на Святослава, который увлеченно беседует. Позже мне придется поговорить с ним об этом, ведь если я не стану царем, то он, вероятно, станет следующим правителем Киевграда.

Конечно же, мне нужно разбираться в этике и морали, хотя бы потому, что эти темы интересны с философской точки зрения, и я не планирую жить в одиночестве. После того как определены правила общения, их нужно знать и уметь соблюдать. По крайней мере, я считаю, что мне это необходимо в свете моей будущей службы во имя своего народа, так как я собираюсь стать главой церкви.

После урока мы выходим на улицу, где нас ждут неизменные телохранители. Не удивительно, что наши разговаривают с нашими, прислонившись к стене и обсуждая что-то серьезное. Меня удивляет, учитывая характер моего молчаливого Негуна, который может не высказывать свои мысли днями, в то время как Ян не затыкает рта. Интересно, на каком языке они общаются? Возможно, на греческом, который они знали до того, как мы пришли сюда в Царь-град, так как их выбрали говорящими ромейскими мастерами меча, ответственными за нашу жизнь. Мы идем с киевским князем к нашим стражам, и с удовольствием замечаем, насколько устрашающе они выглядят, особенно когда они вместе, хотя они не так высоки, как венгры или алеманцы, с их роскошными рыцарскими доспехами. Наши имеют широкие плечи и грудь, а руки обтянуты кожаными наручниками, привлекая внимание молодых девушек, которые с открытым любопытством осматривают наших стражей, когда мы проходим через рынок. Оказывается, они говорят по-болгарски и отлично понимают друг друга:

– Почему вы не разговариваете по-гречески, вы ведь оба его знаете, а Ян даже изводится или, по крайней мере, медлит, – спрашивает мой друг с насмешкой?

И Ян отвечает ему совершенно серьезно:

– Потому что, милостивый господин, мы не хотим, чтобы нас понимали другие, вот почему. И мы хорошо понимаем друг друга, ведь у нас есть много общих слов с Негуном. Не обижайтесь, дайте нам пройти, скоро придется садиться поесть! От учебы одним живым не проживешь, нужно что-то выпускать изо рта, не только из головы.

Наши гарды простые и скромные с нами, несмотря на то, что мы сыновья царей. Но меня это совсем не смущает, когда я вижу ромейских мальчишек и тех рыцарей, как они возвышают свои головы и, вообще не общаясь со своими стражами, только кричат на них, как на животных. Здесь говорят о воспитании, протокольном поведении и традициях. Мне кажется, что некоторые люди, куда бы они ни пошли и что бы они ни учились, остаются на одном уровне. Это не из-за отсутствия ума, а из-за какой-то врожденной высокомерности и чувства превосходства над другими. Как будто они не ходят, как все, к нужнику, или розы расцветают, идя следом за ними. Слышал я тех двух, Густава и Антонию, как разговаривают, и один из них говорит: «Не знаю, зачем мне писать и считать, когда у меня будут писцы и таверны, где будут делать эти вещи? Властителю нужно только пировать с другими правителями и принимать послания из других стран.»

Я поделюсь этими мыслями с моим киевским другом, и он говорит:

– Видишь, Баян, также, как они учат нас в доме, после трудно изменить первоначально изученное. Моя мать всегда говорила мне, что правитель должен быть и поэтом, и музыкантом, чтобы понимать человеческие страдания, когда он помогает своему народу. Тогда люди будут любить его, слушать и поддерживать. Теперь в Магна Аула я начинаю понимать, что необходимы не только музыка и поэзия, но и арифметика, религия, философия. Ведь если одно двигает различные части ума, то другое улучшает душу, а третье показывает жизнь в ее реальности. Не обращай внимания на этих толстых лентяев, пахнущих утром чесноком и вином!

Как прав он, как он только подтверждает слова моей матери, отца и старых рунических записей, которые мы разгадывали с Иоаном, моим братом. Но мне хочется сказать это своему другу, а не только мудрить скрытно:

– Ты говоришь полностью правильно, и будто бы мы с тобой давно пересмеялись. Мои родители тоже говорили мне об этом, и у меня был один писарь при моем отце, который учил меня письму и много рассказывал об этих вещах. Он читал мне старые свитки с странными знаками на них. Там были древние рассказы о героях моего народа. И все они были не только воинами, но и умели играть на разных инструментах и говорить стихами, как акыны, развлекающие гостей во время пира. В одних рукописях была какая-то странная

легенда, созданная задолго до евангелий. О некоем сыне божием, который пришел на Землю, чтобы дать людям Знание, и они убили его в благодарность. Но об этом я расскажу тебе в другой раз. Этот писарь звался Кърч, и он меня очень любил, а мой дядя сердился, что меня не учат греческому и евангелию, а занимают ненужными вещами. И он прав, но Кърча переместили куда-то писать и копировать, а ко мне пришел дьякон по имени Козма. Я в жизни не видел более противного человека. Зато он научил меня греческому, и теперь я должен быть ему благодарен, что могу писать и читать по-румынски. Он даже подарил мне деревянную дудку, на которой иногда играю те грустные мелодии, которые моя мать пела на своем языке. Ей очень хотелось научить меня, но мой отец угрожал монастырем, и мне говорили только по-болгарски, а потом и по-гречески.

Святослав машет мне на прощание, сказав, что мы не живем в одном месте, и я приглашаю его в следующий раз встретиться на большом Ипподроме, где должны были быть скачки на колесницах...

ДУША И ТЕЛО

Время летит слишком быстро для молодого человека, как я, но между уроками и экзаменами мы находим время с Негуном работать над моим физическим состоянием и улучшением боевых навыков, хотя я и собираюсь быть священником. Мы выбрали уединенное место в близком лесу

у моря, и там мы сражаемся с короткими, тракийскими, изогнутыми мечами «скалми», или сражаемся полуголые и потные. Конечно, мы стреляем из лука, но не по-болгарски, потому что нельзя преследовать коней, а болгарин без коня как калека. Тем не менее, я научился учитывать расстояние от ветра и солнца, потому что, когда тебе светит солнце, ты не видишь ничего ясно. Мой страж не может объяснить, но он может показать движение сто раз, не меняя ничего в нем. Луки мы взяли из оружейной дворца. Они не такие легкие, как у наших ловких всадников, но стрела легко пробивает доспех на пятьдесят шагов. Это преимущество тяжелых луков, мягкие, чтобы быть эффективными против неуклюжих пешек и совершенно беспомощными против конницы моего отца, которая постоянно двигается в седле, так что только случайная стрела может кого-то поразить. Но мой молчаливец обещает найти такие, чтобы показать, как это делается, а я настаиваю, чтобы он обучил меня борьбе без оружия, за что я настаивал еще приехав в Константинополь как ученик, на самом деле заложник мира между двумя государствами.

– Хорошо, ваше величество, когда вам станет больно, не сердитесь на меня, потому что битва – это борьба, но не всегда нужно держаться за противника, стараясь свалить его на землю. Сначала ты должен вывести его из равновесия, а затем ударом или перекидыванием вывести его из сознания. Если их двое, начинай с сильного, а когда ты

свалишь его, справляйся с другим. Это важные вещи. Я не напрасно тебе их повторяю. — Негун хватает меня за одежду у груди и быстрым движением подрезает оба моих ноги, чтобы я упал на траву, но я тоже ухватил его за рукав, и мы падаем почти вместе. Смех очень полезен в таких случаях, так что мы смеемся до боли в животе, чтобы не чувствовать боли от падения. — Ты, господин, обратил ли внимание, сколькими пальцами я тебя хватал за рукав и с какой силой приложил, чтобы свалить тебя со мной?

Я размышляю, пока сижу на зеленой траве. Действительно, как так получилось, что это произошло, даже не напрягая свои силы или даже не думая об этом движении? Я также замечаю, что каждый день мы ходим с Негуном на луга, и час или два он лежит на спине с травкой во рту, а я, опустившись на молодые ноги, безостановочно рву цветы и траву обеими руками, но тремя пальцами, быстро, как показал мне солдат в самом начале. И снова я задумываюсь, что мы делаем это уже несколько лет, независимо от того, светит ли солнце или идет снег. Только теперь мне приходит в голову, что тем днем, когда я подшутил над другими мальчиками, я, сделав одно простое движение, расстегнул рубашку одного из своих сокурсников, так что меня оставили следующим, чтобы переписывать Евангелие от Матфея до темноты. Это означает, ваша милость, что то, что вы называете бессмысленным трудом, принесло свои плоды. И после того как тягучее движение уже усвоено, начнем с толчка. Видишь этот камень?

С завтрашнего дня начнешь толкать его двумя руками сто раз. Когда он станет легче, начни толкать одной рукой сто раз. Каждый день, так ли? Теперь я вижу, что делает постоянство и вера. Намного раньше говорили, что здоровый дух требует здорового тела, и для таких, как ты, это действует с двойной силой, потому что ты будешь отвечать за весь народ.

Откуда взялось столько слов, охранник точно не понял, но как говорил, так и замолчал глубокий голос. Крепкие руки широкоплещущего мужчины поднимают меня с земли и подбрасывают мне кожаный пояс, чтобы я пристегнулся. Мы молча отправляемся во дворец, где сможем помыться и перекусить, что от физических упражнений очень проголодается...

...А ночью пришла Мария. Подкрадывается, как дикая кошка, и прямо целится в подстилку. Она голая под мягкой рубашкой. Начала меня гладить и раздевать без каких-либо объяснений. Мне становится смешно, что вокруг меня все молчаливые собрались и прямо засмеялся. Она замерзает от удивления, чтобы мгновенно наказать меня укусом в плечо, от которого я перестаяю радоваться. Болит от тех зубов, которые могут кусаться и по-другому. Это действительно похоже на дикую кошку, которая ненасытна ласками. Мне хочется ее шлепнуть, но я предпочитаю засунуть свои губы в ее. И начинается то, что не написано в песнях и старых притчах...

ЛАКАПИН

Утром приходит паж и говорит, что сегодня я не пойду в школу, потому что меня пригласили на беседу к императору, с уточнением-к его регенту. Лицемерные и притворные ромеи в своем подхалимстве откровенно пренебрегают истинным императором, титулуя его наместника Вседержителем и василевсом, так что и мне придется смиренно преклонять колени. Сам Роман Лакапин хочет поговорить со мной-ничтожным заложником. Но что бы я ни удивлялся, дрожи, приглашение даже в письменной форме, а свернутый в рулет пергамент рядом с моей рукой на обеденном столе. Хорошо, что у меня есть время доесть завтрак и переодеться, то император приглашает меня, а не кого-то еще. Негун помогает мне носить мою самую редко одетую одежду, которая немного потеснела со временем, но они выдержат еще одну аудиенцию, а потом мы увидим. Я сажусь на кровать и думаю о причине этого внимания в середине учебного года. Вскоре у меня было известие от моего брата Петра, и там ничего тревожного не было видно, а Иоанн постоянно передавал мне приветы по разным купцам и путешественникам. Только от матери я не получал Вестей в ближайшее время, но если бы было что-то плохое, то царь бы мне сообщил. Плохие новости быстрее всего движутся по дорогам. Я Не люблю креститься, но рука сама двигается мыслью о мо-

ей матери, которая одинока и беззащитна там среди крова-
жадных волков. Дядя Георгий думает только о своем вели-
чии и о том, как обаять царя, чтобы он стал его, а о сест-
ре ли он вообще помнит, я не знаю. Вдруг у меня возникает
подозрение, что моя голова может быть на волоске. Конеч-
но. Лакапин узнал обо мне и Марии. Больше ничего нет, и я
мертв. Прости, Господи, грешного Бениамина, сына Симео-
нова и внука Михайлова! Меня посадят на болван, и брат
мой даже не объявит войну василевсу, потому что он боит-
ся, да и советник его, брат матери моей, ни слова против Ви-
зантии не дает высказаться. Какой же дьявол вообще подко-
сил меня заняться этой менадой, внучкой заместителя им-
ператорского. Но кровь есть кровь, и она не спрашивает, кто
внук, а кто сын, когда разбивается. Почему меня не помести-
ли в другое здание, как Слав, а в одно крыло с братом Фе-
офилактом? От судьбы не убежишь, и все, что я порабошал,
я съем, как бы горько это ни было. Я встаю и киваю охране
следовать за мной.

За дверью двое в полном снаряжении. Они указывают
Негуну, где меня ждать, а дверь открывается только для ме-
ня. Никаких формальностей, никаких фанфар и оглашения
имен. Просто никто не входит ни к кому, ни к кому, я знаю?!
Лакапин сидит с одной стороны на маленьком столике и пьет
что-то теплое, приятно пахнущее в Серебряном стакане. Он
молча указывает мне на стул напротив себя. Я сижу, что еще
могу сделать. В тот же момент из-за занавеса подошел монах

с длинными волосами и маленькой редкой бородой. Я знаю в нем своего учителя по греческому, а как скоро я услышал и исповедника болгарского царя. Косма в своем полном противном виде.

— Принц, Вениамин — звонит Роман Регент со своего кресла — этот человек пришел из далекого Преслава, чтобы забрать тебя обратно, потому что твой брат Петр нуждается в тебе. Я как твой покровитель и защитник должен освободить тебя от школьных и политических обязанностей, потому что твой долг перед Болгарией важнее всего остального. Мы сейчас в мире, и мне не нужны человеческие гарантии лояльности болгарского царя. Твоему брату удалось отрезать голову от серьезного заговора против короны, и теперь он очень беспокоится о безопасности и прочности своего управления. Он почти никому не доверяет, и надеется, что в твоём лице он найдет надежную опору и полную уверенность. Не то чтобы ты все еще в том возрасте, когда решения иногда торопят мудрость, но не следует пренебрегать годами в Магне ауле. Ты теперь, можно сказать, самый образованный человек в царстве, и слово твое будет весить, как и само твое присутствие до колена царя Петра.

Мое молодое сердце вздыхает с облегчением, моя грудь вздыхает, а радость, что я уезжаю из этого города, охватывает меня до всех атомов, как их называли те философы Левкипп и Демокрит. Я преклонила колени, чтобы поцеловать конец императорской мантии, а рука ромеянина ласкает ме-

ня по голове в покровительственном жесте. Затем он похлопывает меня по макушке в знак того, что я вернусь на стул. Он поощряет меня взглядом сказать что-нибудь, если мне есть что сказать. Я перестаю бояться, тем более, что меня не обезглавят.:

– Спасибо, Ваше Величество, за гостеприимство и за знания, которые я больше нигде не могу взять, чтобы отнести их на родину. Я также унесу приятные воспоминания о годах под вашим взором, а также пожелания долгосрочного мира между нашими странами, которые, возможно, будут переплетены с письменным документом. Я готов стать вашим добровольным послом при дворе болгарского правителя.

Я молчу в ожидании заключительных слов, которые отправят меня домой и мою дорогую маму, а они, как ожидается, не опаздывают:

– Да, Венеамин, тебя хорошо научили говорить мои риторы. Я горжусь ими и, конечно же, тобой, как прилежным выпускником Университета. Я ожидаю, что со временем твоего умудрения ты возглавишь болгарское православие, как решение твоего великого отца, что мы с братством в вере укрепим и братство в добром соседстве. Мои быстрописцы подготовят нужные письма и документы, а у тебя три дня на прощание с друзьями и преподавателями.

Я встаю с поклоном и обращаюсь к выходу, сподобленному Космой, который не сказал ни слова, пока мы не пришли в мои покои. Вокруг меня много молчаливых, вот и все.

Только в этот раз мне не стало совсем смешно.

А ночью Мария снова пришла, как дикая кошка в моем подстилке. И снова начинается то, что не написано в стихах старых легенд...

БРАЧНЫЕ ПИРЫ

...Монастырская еда стала лучше после моего пребывания в «Святом Пантелеймоне». Об этом рассказал один из недавно стригшихся монахов. Его звали Варфоломей, но раньше у него было светское имя Ваклин. Она была блондинкой, но блондинкой. Как пшеничная солома или как засохший папур, полностью противоречащий своему названию. Так вот, между прочим, он сказал мне, что мое присутствие сделало людей в монастыре более человечными и скромными, тем более новый игумен добр к скромным, столь же строг к немирным. При этом большинство иноков просты, даже совершенно тупы, так что многие не задумываются о чем-то. А пища действительно стала богатой и разнообразной с тех пор, как царский брат поселился в обители. Каким-то чудом число овец и коз стало тройным, отроки, которые работают, также выросли в количестве. Радует Варфоломей, что только каша надоедает. Другое дело куриная грудка или баранина. Даже если это каша, то она уже с молоком, а иногда немного рачеля добавляют-по ложке на каждую тарелку.

Как мы мило разговариваем с монахом, я слышу лошадиные копыта на каменном патио. Поскольку я жду, когда мой Негун вернется с рукописями из Царевграда, я с нетерпением жду, чтобы увидеть, кто пришел. Это не мой охранник, а какой-то солдат в кожаном шлеме и пыльной кольце. Один из послушников уже схватил уздечку запятнанного жеребца. Мальчик вскочил из седла и громко кричал:

– Кто здесь Баян-царь Петр брат?

– Я – кротко отвечаю – не случилось ли что-нибудь плохое? Говори!

– Весть, написанная тебе, князь!

Несколькими прыжками он оказывается на чардаке у меня, преклонив колени, вытащив из рукава рулет, связанный красной нитью, на которой висит царская печать.

– Царь сказал Без тебя, милости Твоей, не возвращаться в Преслав, – смущенно смотрит мне в глаза вестник.

– Иди вниз в магернию, чтобы тебя покормили, но сначала сними эту кольчугу, чтобы умыться! Пусть лошадь отдохнет от быстрой пробежки, и ты немного отдохнешь. Я прочту, что писал мне старший брат, а потом посмотрим, вернешься ты сам или нет!

– Как прикажешь, князь, спускается воин по скрипу лестнице!

Я возвращаюсь в свою камеру и только потом ломаю печать, чтобы раскрутить свиток. Я сажусь спиной к окну, которое лучше видно. Как говорят мне буквы, ничего плохого не произошло, а наоборот. Царь Петр женился не на ком-нибудь, а на внучке Романа Лакапина. Именно с Марией мой брат решил связать себя узами брака, что других принцесс в мире нет. И он сделал это там, в большом городе, чтобы его поклонение видели все, а не болгарский патриарх, чтобы венчать их в честь и славу нашей автокефальной церкви. Она завязана, как клубок из разных нитей, все дело в том,

что если бы он не женился, то эта наша Церковь все еще была бы под Ромейской опекой. Не совсем глуп мой брат, но втайне от меня все это сделал, чтобы какой-нибудь другой ум не предложил ему и не иссохло задуманное. Но как он мог знать, что другой сын Симеона уже ограбил ее сливки? Все это не к добру, а к несчастью, к несчастью. Я так и не научился ругаться, иначе бы не только келье, а весь монастырь бы сейчас вышел из скверных слов. Я наливаю себе стакан воды из глиняного кувшина, и первый глоток успокаивает меня. Ну, чтобы жениться на брате, ему пора, и наследник мужского пола должен создать хотя бы одного. Они уже сейчас бояре ворчат и замышляют, как свергнуть его с трона, а если наследник не сможет обеспечить его, то еще проще его столкнуть. Иногда я слышу слухи, что они голосовали за старшего брата, чтобы посадить, потому что по праву древнему сыну Багрянородному престол полагается, а не этому мягкотелому и податливому внушенному царю. Но теперь, когда он сроднился с Лакапинами, все изменилось в его пользу, хотя эта свадьба еще больше усилила боярское недовольство. Наш отец с Империей сражался, захватывал крепости и земли, и теперь он, наверное, начнет их возвращать. Хорошая новость, но если подумать, то она не из лучших. Почему Петр призвал меня советовать ему, а об этой женитьбе не сказал мне ни слова при наших редких встречах? «Эх, Мария, Мария, нелегка судьба жен царских, что здесь любви нет, а торг и расчетливость одна.» Надеюсь,

он не выдаст себя, увидев меня на коронации, что у него темперамент для пяти женщин-ромейка. Как ему сказать что-нибудь, не подумав об этом, зачеркнуть и свадьбу, и себя со мной вместе. Если не мой брат, то Боярский совет поставит нас на пьедестал за прелюбодеяние. Как хорошо было бы сейчас заболеть, если бы я отказался от приглашения, но меня уже видели здоровым и правым. Не получится, придется идти, что бы ни случилось. Настоятель Стефан также был приглашен, только не сразу, а для самой коронации идти только после трех дней воскресенья, когда он будет петь вместе с владыками и патриархом. Теперь меня зовет только я, и мне больше не о чем скручиваться. Я только переоденусь и получу лошадь в дорогу...

...Петр принимает меня неофициально в тронной палате, и его объятия искренни, как девичья слеза. Брат любит меня и без притворства показывает это:

– Баян, брат мой, не знаешь, как ты мне нужен здесь на престоле, а ты засунулся к вонючим кадилницам и пыльным книгам? Я только что женился, и в важный день нашего официального появления перед народом, я хочу, чтобы ты была рядом.

– У твоего Величества есть еще два брата, насколько я помню, – улыбаюсь передо мной-их меньше любишь или с каждым из них так говоришь?

– Как ты смеешь так говорить Царю, – идет в театр высочество, – не заставляй меня быть плохим именно в эти дни ра-

дости, брат! К вечеру я хочу, чтобы ты оделся в новую одежду, помытый и пахнувший розами. Будет большой пир для Ромейской свиты, которая вчера прибыла и была размещена в боярских домах, а невесте-покои во дворце. Там мы будем жить с ней, как мужчина и женщина, пока один из них не уйдет первым в жизни.

– Как прикажет, Ваше величество, так и будет! А можно было не только коронацию, но и свадьбу здесь устроить, а не ходить к эллинам унижаться. Неужели она так заслужила эту, что ездил в Константинополь, чтобы жениться?

– Сегодня вечером в пировом зале я буду сидеть за столом рядом с ней, а по ту сторону ее ты будешь, брат, чтобы ты мог хорошо ее увидеть заслуживает или нет! – Величие не терпит возражений, потому что ты мне самый дорогой и близкий, вот почему. Это не просьба, а приказ правителя подданному. А коронация не будет в моей базилике. В Патриаршем соборе мы сделаем так, чтобы патриарх Дамиан так решил. По ему было угодно ему там и он чувствовал присутствие Господа, а в других церквях не так уж чувствовал. И я пришел к нему в упорстве и согласился, ведь вскоре его рукоположили, чтобы я не ломал его волю. Честно признаться, мне все равно, где меня покажут с хомутом брачным на шее – широко рассмеялся Властелин болгарский и потянулся, чтобы ударить меня по плечу.

«Мы ее подняли», – думаю я сейчас и прямо содрогаюсь от мысли, как эта невеста и царица после второго бокала тя-

нется к моему бедру под столом, и молюсь, чтобы она сделала себя скромной, отказавшись от вина. Иначе смерть для нас обоих. Мне придется тайно предупредить ее. Надеюсь, он прислушается к тому, что со свадьбы он не станет топором.

Царь Петр Первый дважды хлопнул руками и вошли две красавицы. Одна носит поднос с двумя серебряными потирами, а другая держит позолоченный ритон, полный вина.

– Я угощаю тебя сватовством с самой могущественной страной в Европе, а ты смеешься надо мной, какой я царь и какой я не хозяин!

Они наливают девушек красным, как кровь, вином, а он пощипывает их по щекам, которые тоже краснеют, но не так сильно, как вино, а слегка розовеют. Мы стучим по стаканам и потягиваем ароматную жидкость, которая приятно разливается по жилам. Я не любитель выпивки, но и святой не один из икон на алтаре. Это вино лучше, чем другое, которое игумен угощает меня, но царь всегда обладает лучшим, и так оно и будет. Мой Брат возвращает меня к себе:

– Слушай, Баян, я хотел сказать тебе, что теперь, в качестве выкупа за невесту, мы должны вернуть несколько крепостей ромеям, а они, как приданое, уступят нам землю вдоль южного побережья моря.

– За это наш отец заплатил кровью своих воинов, чтобы ты даровал им крепости этих жадных торговцев-ромеев? Вместо того, чтобы обмениваться крепостями, разве

все не может остаться как есть? Обменивайтесь золотом, драгоценными камнями, чем-нибудь тканями, животными, товарами! Нехорошо отступать, что и с людьми, живущими на этой земле, даже с теми, кто похоронен в ней! Я не понимаю, как ты можешь распоряжаться тысячами судеб, не моргнув глазом?

– Правители, мой брат, у нас особая совесть. Если Всевышний позволил нам властвовать, то очевидно, что он разрешил нам быть судьбой для своих подданных. В конце концов, услышав звонок, можно понять, правильно ли мы управляли или наоборот. Ты можешь советовать мне, учить меня как образованного и умного брата, но я не позволю тебе судить меня! Над мною только Господь, больше никого нет.

– Ну, через три дня над тобой будет царица Мария — я переворачиваю вещи на смех, потому что разговор стал довольно опасным, да и если я знаю его характер, то лучше с хлопком вынуть ему душицу, а не с упрямством рассердиться — лучше спросить у боярского совета, как сделать так, чтобы и волк был сыт, и ягненок остался нетронутым.

– Она больше не будет Марией, но Ирине, потому что она носит с собой мир. А Боярский совет будет слушать и исполнять. Я сказал! — бьет по спинке стула болгарский правитель-а теперь иди, чтобы тебе стягивали одежду и показывали покои-хлопает один раз и влетают стражи-позовите Козму явиться немедленно!

Затем он обращается ко мне:

– Брат, ты ведь знаешь этого книжника? Я помню, что он вернул тебя в Болгарию по моему приказу. Я даю его тебе, чтобы он вел тебя туда, куда должен, и платил все, что должен, а это Возьми на всякий случай – и он отходит от своего бархатного ремня мешочек, который бормочет золотом!

Мы еще раз потягиваем вкусную жидкость, и вот Козма со своей вечной рваной рясой. Я прощаюсь со своим старшим братом и иду, чтобы показать мне покои, которые оказываются рядом с покоем Марии.

«И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое Царство, и сила, и слава, до веков. Аминь! – только мог родить мой ум, когда понял, что буду спать на одной стене вдали от любви всей моей жизни...

...В триклинии шумно до выкупа, так что уши прямо оглохнут, привыкшие к монастырской тишине. Это трубка, и на этот раз я действительно оглох.

– Царь Петр Первый Болгарский – объявляет дворцовый правитель, и все вдруг замолкают.

Мой брат ведет за руку Марию Лакапину, уже Ирине, ко-

торая сияет, как Солнце, своим золотым платьем и царственной диадемой, вплетенной в ее волосы. Прекрасна моя Мария как богиня Афродита, рожденная из пены Критского моря. Все кланяются, а царь успокаивающе махает рукой. Затем он ведет свою жену к огромному столу, где все стулья одинаковы, кроме двух. Он ждет, пока она изящно устроится, а затем расслабляется рядом с ней. Внезапно ворвались парни-пажи, которые начали приводить гостей на свои места. Приглашенные на Пирр стоят и ждут, когда их увезут, потому что иначе будет большой хаос. Меня, естественно, берет один из первых, и, как обещал мне жених, меня сажают рядом с Марией, которая уже официально через два дня будет Ирине. По другую сторону моего брата садится ее отец Христофор Лакапин, который находит время, чтобы по-дружески кивнуть мне, потому что мы несколько раз виделись с его отцом и даже говорили в основном на военные темы, что он очень увлечен различными стратегиями, тактикой, оружием и боевыми приемами. Я, конечно, всего лишь теоретик, но мне удастся участвовать на равных в таких разговорах и, видимо, он меня хорошо запомнил. Мой Брат поднимает бокал. Все снова замолкают. На этот раз трубочистам не нужно надувать мои уши:

– Я поднимаю тост за этот новый союз между нашими двумя великими державами! Пусть он принесет мир на нашу землю, чтобы народы мирным трудом пожинали только добро! Да здравствует царица Ирина!

– Да здравствует, – кричали в хоре все присутствующие!

Я тоже закричал, и изумленный взгляд этой рядом со мной заставил меня проглотить последний слог.

– Это мой брат, Баян, принцесса. Можно с ним на ромейском говорить, что он там у вас на науке учится, и в Магнауре его знают как Венеамин. Ты не видела его во дворце своего дедушки?

– Я не, Ваше величество, но если вы положили его рядом со мной, значит, вы его очень любите и тачите, так что позвольте мне относиться к вашему брату – так же-мягко и чарующе звучит во лжи тот голос, который заставлял меня держаться и сходить с ума.

– Я возвещаю ему еще немного о главе церкви, чтобы он был рядом со мною, и чтобы у него была достаточная власть, потому что кровь Симеона течет в его жилах, и не следует тратить эту мощь на чтение различных свитков, – царь проявляет великодушие перед будущей царицей, а она мгновенно реагирует на это.:

– Хороший царь должен быть разумным, чтобы заботиться о тех, кого он заслуживает своим умом и преданностью, а если он здесь, значит, он верен тебе, не так ли?

– Я так думаю, дорогая, как только он бросил учебу и вернулся, чтобы помочь мне, – вдруг сепнулся Петр и крикнул высоко – Ура дружине! Ешьте и пейте для здоровья тех, ради кого накрыт стол! Пусть музыканты возьмутся за работу, что мы не на похоронах собрались!

...Я Не знаю, как дождался в окончания кошмарного пира. И если раньше вино приносило мне тепло и удовольствие, за столом я едва пробовал несколько глотков и съел немного фруктов. Если бы кто-то сказал, что еды было недостаточно, он бы солгал, что только из куриного молока не было на столе. Мария с первого взгляда поняла мое настроение, вошла в него и тоже почти ничего не касалась стола, несмотря на то, что царь был воодушевлен и постоянно проносил тосты. Мы брали бокалы, чтобы не проявить неуважение, но это все. Когда большинство гостей испачкались, и их слуги начали увозить их на улицу, я нашел место, чтобы спокойно уйти в свои покои. Когда я уходил, королева прошептала мне.:

– Я рассчитываю на тебя и на нашу любовь!

Но я не мог подробно объяснить и не желал такого разговора прямо сейчас. Мне удалось лишь проговорить:

– Это будет хорошо для всех нас, чтобы забыть меня!

Я вышел из триклиниума во внутренний дворик, где легкий ветер подавил напряженные противоречивые чувства, зажженные в моем молодом сердце. Как молния прошла сквозь меня мысль, что на пире был только мой дядя Кеворк Сурсупал, а мать Мариам отсутствовала. Это Странно. Ее сын женился на византийской принцессе, а свекрови нет на свадебном пире. Очень странно. Потом я пошел по длинным коридорам и совсем не заметил теней, подкрадывающихся за мной. Когда я подошел к своей двери, что-то

сыплется, и Кинжал застрял почти рядом с ручкой в дубовых досках. Узнав, что он не попал, нападавший набросился на меня голым мечом, я отошел и «тем» движением трех пальцев бросил нападавшего на стену с правой стороны. Еще одна тень, одетая в черное, пришла на помощь, но все мои жилы уже были готовы. Я схватил меч первого, и мой ловкий мозг вспомнил уроки Негуна. После нескольких движений он сжался с пронзенным животом и начал отхаркивать кровь. Я позволяю ему мучиться, не боясь, что он снова встанет, и бросаюсь на того, кто напал на меня первым. Я поднимаю его за кожаную рубашку и касаюсь меча ему в грудь:

– Кто послал тебя и почему, – тихо и зловеще спрашиваю, – говори, мерзавец, или кончишь, как тот, кто тонет в крови своей!

– Ты умрешь, потому что ты подло предателя Петра! Разве ты не понял, глупец, что народ не хочет этого, а князя тоже?

– Скажи, кто тебя послал, и я подарю тебе жизнь!

– Я не хочу этой жизни, и жалко, что не смогу выпить твоей крови, чтобы ты больше не мог продавать Болгарию ромеям – потом берет мою руку его мечом, чтобы вонзить его в свое тело...

Прибежали какие-то стражи, а за ними прибыл начальник «Чиготы», как называется Особая группа охраны.

– Что здесь произошло, князь? Что это за мертвецы? Вы ранены: вопросы, вопросы, вопросы?

– Я не ранен, но мог бы и не быть живым. Почему здесь

нет стражи и как эти двое проникли в царские покои? Ведь они могут и царя с царицей стереть, как она ушла.

– Мы виновны, господин, но твой старший брат распорядился, чтобы охрана сосредоточилась вокруг Пирового зала и у наружных дверей, а их величества находятся под постоянной личной защитой. Никто не ожидал, что кто-то нападет так открыто. Просто на тебя забыли поставить охранника, и это все моя вина, чтобы и голова пошла немного. Уже сейчас я прикажу, чтобы мне надевали цепи, чтобы меня посадили в темницу, не моргнув глазом, но с опущенной головой реди слова сии.

– Как тебя зовут, человек Божий, – спрашиваю я не совсем строго?

– Беллар, князь, Боил Гостону, которому отец служит тебе верно, я первенец, – с искрой надежды отвечает одетый в железо воин.

– Хорошо, Белар, я буду говорить с царем, чтобы он не наказывал тебя, но отныне и впредь пусть у каждой двери здесь будет не один, а по два стражника, и на каждом песке ты будешь менять их, чтобы они не уменьшались! Будьте готовы к бою, всегда готовы к бою!

– Будет исполнено, господин, а за милость благодарно! Я твой верный раб до жизни и смерти. Когда ты позовешь меня, я всегда буду на связи, ты это знаешь! Я никогда не нарушу свое слово.

– Да ладно, если я клянусь, что не изменю своих наме-

рений! Я не люблю много разговоров. Лучше убрать трупы и кровь, чтобы царица не проглотила язык от страха, потому что в первые дни жизни в Болгарии со смертью она сталкивается!

Беллар не ждет, когда его пригласят, и быстро отдает приказы. Двое хватают одного трупа, а двое других – второго, и один из них вызывает:

– Багатуре, я его видел. Он один из тех, кто кормит боил, который является правителем Дрестера. Он уже несколько дней в столовой, и я наблюдаю, как приплывает к здешним солдатам, чтобы угощать винодельни во внешнем городе. Найди своего мастера.

– Подожди, подожди, – останавливаю я, – ты теперь перестаешь рассказывать о этому парню и тому, кого ты знаешь и кого не знаешь! Ясно? Как тебя зовут, стражник?

– Тотку назвал меня моим отцом, твоей милостью, и так все меня знают. Тотку-сын Карана, который при Ахелое потерял руку в битве с ромеями.

– Теперь, сын Карана, ты остаешься здесь рядом со мной, а другие да унесут тело! И ты не будешь отделяться ни на шаг, что когда мне понадобится быть под рукой – как я скучаю только по моему Негуну, который не позволил бы так меня удивить. Хорошо, что рука была не точна, иначе я бы уже разговаривал с отцом из небесных селений.

Я помню, что с мамой не виделся, и опять вспоминаю, что ее не было на пиру, а дядя Кеворк, которого зовут Георгий,

видел его там. Мой брат забер нашу мать за счет будущей жены?! Я киваю Тотку идти со мной и направляюсь к другому зданию, где комнаты той, что родила меня для мира...

СЕРЕБРО РОЗЫ

Мой Негун задержался в Царевграде, но все же вернулся. Он пришел в сумерках, грязный, пыльный и уставший на капру телеги, за которой кротко шел его верный жеребец Синбад, имя которого когда-то в нашем языке означало «Царь мудрости». Повозка была заполнена свитками и целыми книгами, сшитыми с животными жилами и лыко. Хорошо, что у него было достаточно монет, чтобы заплатить, потому что эти книги, которые называются «кодексами», стоят мило и дорого, но они того стоят.

Я позволил ему помыться, переодеться и накормить себя, попрощался с игуменом Стефаном, который отказался от патриаршества, чтобы взять монастырь и иметь с кем пить вино. От всей этой истории Польза пришла к владыке Дамиану, который даже не поблагодарил его. А я ждал, когда придет мой посланник, чтобы рассказать мне. Прошло не так много времени, да и целый месяц его нет-это огромный период по сравнению с нынешними минутами. И вошел Негун и заполнил маленькую дверь камеры, хотя и не был высоким.:

– Садись, Негун, здесь на миндере и рассказывай, что происходит в Царском городе!

– Ты знаешь меня, твоя милость, что я не из тех, кто говорит. Что бы я ни сказал, Этого будет недостаточно. Ро-

меи живут своей жизнью, богатые, конечно. Бедные страдают, как всегда, и натягивают жилы на непосильную работу. Солдаты, немного научив их держать меч, наталкивают их на умиротворение провинций. Но теперь, по крайней мере, их северная граница спокойна, с тех пор как Мария стала Иреной, а мы стали сватовами с Лакапинами. Как долго это будет продолжаться, я не знаю. С одной стороны, это хорошо, когда есть мир, но я в них не очень верю. Лукавы и неверны ромеи, как змеи ядовитые, и мы никогда не должны забывать об этом! Но брат твой Петр успокоился и предал кучу крепостей своею своею своею в качестве выкупа за невесту, пока тот не возвратил ему тех, кто был прежде наших, еще со времен прадеда твоего Тервела. Но что бы я ни сказал, это не хорошо, так что лучше молчать!

– Ты хорошо привез эти книги в монастырь, но еще что-то должно было быть с тобой, а я не видел?!

– Я оставил их в лесу, пока ты не скажешь привести их.

– Немедленно иди и веди их в монастырь! Если они с капюшоном, то не будут смотреть на их лица. Затем мы наденем на них по одной расе, чтобы они не отличались от других монахов. Даже сейчас ты возьмешь две расы и еще там переоденешься! Они очень хорошо говорят по-гречески, и ты научишь их говорить, что они из монастырей на Афоне. Например, из монастыря «Пантократор», где находятся только римские монахи. Если они не знают, как креститься, покажешь им там, в лесу, а здесь мы уже разберемся. Оставьте

лошадей в конюшне монастыря! Я поговорю с игуменом монахов, чтобы они не спрашивали, что и почему. Надеюсь, ты понял, что я сказал?

— Я иду сразу же, что они, должно быть, там выпались от ожидания.

— Хорошо, я в это время договорюсь о том, чтобы им назначили две камеры рядом с нашими с тобою, потому что ты, как мой личный страж, в соседней с моей.

Мой личный охранник пошел за ними, а я поспешно договорился с игуменом, который, не много спрашивая нужных приказов, и в поздние вечерние часы мне удалось обнять своих долгожданных гостей, но без лишних слов я отправил их спать после утомительного пути. И завтра день, как говорят мудрецы.

А утром, после утренней литургии, мы уже могли видеть друг друга, как люди. Для большей безопасности мы пошли в лес к монастырю и сели возле ручья, прямо на зеленую траву. Зартош и Омид такие же, как я оставил их в Константинополе во время нашей последней встречи. Они спокойны, спокойны, постоянно улыбаются, теплые и дружелюбные. Мы говорим на ромейском, которым владеем все, но иногда подкрадываются слова из того древнего персидского, который в один период был общим для обоих наших народов. Даже раньше, когда я слышал, как они говорят на эламском, а может быть, и на арамейском, многое из моего разговора было близким и понятным, хотя этот язык я нигде не учил. Я

также заметил, что часть этих слов присутствует в родной речи моей матери-армянки, что совсем не показалось мне странным. Ведь у армян много веков назад была огромная империя на этой райской земле, так что они довольно сильно помесились языками, даже кровно с народами Леванта, где персидский язык тысячи лет был основным для всех народов и племен того края.

– Расскажите, как вам моя родина! Я знаю, что дорога была утомительной, но вы поспали ночью в холоде и спокойствии, что монастырь тихий и мирный. Он будет таким и впредь. Я предлагаю вам остаться здесь, отдохнуть и в общем для нас время передать мне то, о чем мы говорили еще год назад в Византии! А я, как могу, расплачусь.

Зартош, естественно, взял на себя задачу ответить, потому что Омид в большинстве случаев был своего рода его молчаливой тенью. Такая же ситуация, как со мной и Негуном.:

– За этим мы и пришли, ваша светлость, князь Все, что мы обещали, мы выполним до последнего слова. А об оплате говорить нельзя, потому что это не то, что мы ищем в жизни. Я думаю, что мы искали его так долго, мы нашли его, Хотя он все еще необработан, как кусок обсидиана, из которого должен стать нож. Но, возможно, это неправильное сравнение. Правильно, что из большого изумруда мы должны сделать чашу, полную знаний, из которой все человечество будет пить и все еще хотеть большего и большего. Потому что

знание огромно, но не каждый может дать его людям.

— И не каждый может преподнести это им должным образом — голос Омида как эхо, — потому что данное неправильным образом и грешным людям множество поражений может совершить.

— Вы хорошо говорите эти вещи, и, глядя, вы не тратите время на пустые разговоры — я говорю с удовлетворением и небольшим страхом, потому что я ничего не понял из всей этой двойной тирады.

— Мы также принесли с собой немного книг, но ты еще не готов к ним. Придет время, когда многое прояснится. Не переживай, потому что мы с Омидом еще будем давить на тебя учебой. Не только чтением и письмом, но и действиями, совершенно недостижимыми для других людей, потому что именно поэтому мы здесь! Они внутри тебя, ты уже это делал, но ты этого не осознаешь. Ты маленький, ты большой. Вскоре ты поймешь это, хотя много раз приходит сомнение, как это бывает у большинства людей. Это хорошо, потому что иначе как Икар растопит твой Гелиос воск и падешь в великое море с очень высокого...

...Вот так началось мое внутреннее и даже внешнее изменение, благодаря двум до недавнего времени чужим для меня людям. Меня учили особым языкам, с которыми общается мудрость. Долгие дни и ночи Зартош с упорством и терпением рассказывал мне об учениях Востока. Он заставлял меня искать преемственность и развитие различных

религиозных представлений, находить сходство между мифами разных народов и племен. Медленно, методично, но, должно быть, во мне накапливалось знание, и мне не было стыдно спрашивать, когда что-то непонятно. Иногда я чувствовал сопротивление ранее запоминающихся фактов, которые вступали в противоречие с тем, что говорил учитель, и вместе с ним мы делали все возможное, чтобы найти правильный ответ, решить задачу, даже если она крошечная, как гороховая ягода. Несмотря на категоричность принимаемых уроков, во мне постепенно формировалось что-то мое, объединяющее заученное с какими-то странными, логическими умозаключениями. А их я таила внутри себя, даже записывала, но не всем делилась с Зартошем, потому что боялась обидеть его желание обучать меня. В течение наших уроков он наслаждался моим усердием, как легкостью, с которой я запоминаю преподаваемое. Он даже говорил мне, что гордится мной и что не сомневается в моей миссии, которую он видел еще при нашей первой встрече. Это как любовь с первого взгляда. И я сразу вспомнил, как в нас с Марией вспыхнул огонь, как только мы встретились в одном из коридоров императорского дворца. И она управляла теперь моей Родиной от имени своего мягкотелого мужа, с навыками, не присущими «слабой» женщине....

Я не помню точно, сколько длились эти особые уроки, пока к ним присоединился мой другой учитель – молчаливый Омид. И я не забуду его вступительных слов.:

– Ты знаешь, я не очень люблю говорить. Я буду показывать больше, чем говорить. И если мое имя означает «Надежда», то ты сам-огромная надежда для всех людей. Теперь ты этого не поймешь, но мы должны сделать так, чтобы ты знал это, чтобы принять это как миссию. Зартош наполнил тебя знаниями, а я собираюсь сподобить тебя возможностью. Я продолжатель некоторых тайн и загадочных навыков, которыми тысячи лет назад владели халдейские маги, еще до Вавилонского государства Нимрода и Семирамиды. Это своеобразное искусство, которое только заранее подготовленный человек может принять и использовать по назначению. Они даются не каждому, а очень бережно передаются только тем, кто показал себя честным, любящим и искренним прежде всего с самим собой. Пока человек не научится верить в себя, признавать свои ошибки, учиться у них, уметь прощать себя, он не должен прикасаться к тайному знанию. Все, что ты сейчас начнешь приобретать как мастерство, будет для других людей волшебством, чудесами, даже дьявольскими делами, но это тебя не должно беспокоить! Потому что такие реакции являются плодом невежества и духовного заблуждения, накладываемого десятилетиями в человеческий рас-судок. Вы сами убедитесь, что это просто особые способы воздействия на людей и предметы, даже на самого себя, потому что сначала вы должны доказать свою способность себе, а только потом применять ее к нуждающимся. Но у всех есть нормальное объяснение для тех, кто это делает. Чудес

нет, Баяне, есть незнание и простота. В вашей Библии написано, что низшие духом блаженны, и это действительно так. Низшие и непросвещенные блаженны в своем невежестве, потому что не имеют больших требований к жизни. А такие, как мы, живут в постоянной тревоге, и их единственное счастье-радость в глазах других, будь то нищие или короли. Никогда не помогай тем, кто не хочет твоей помощи! Не из-за их неблагодарности, а по той простой причине, что нежелание приводит к неудачам. Любая неудача вызывает сомнение в тебе самом. Не то чтобы это сомнение не будет приходить к вам во времени, но пусть вы сами не бросаете ему вызов!

Много слов произнес тогда при вступлении этот молчаливый человек, чтобы он снова заткнулся и при наших совместных уроках вытаскивать ему слова с ченгелем. Но он подарил мне кое-что, что стало частью моего духовного и физического тела. Даже не сам предмет, а идея его изменила мою сущность больше, чем любые уроки и наставления:

– Это, Баяне, звезда магов, без которой ни одно колдовское умение не может осуществить в своей жизни. Это происходит с незапамятных времен, когда еще не было письменности, которая показала бы нам, когда именно ее сделали наши древние предки. На ней есть знаки и символы, значение которых можно интерпретировать по-разному. Я принял их такими, какими разъяснил мне тот, кто меня обучил, но решил поступить с тобой иначе.

– Меня это очень волнует, Учитель. У меня мурашки

по коже от твоих слов, от мысли о том, что меня ждет в будущем. Будущее как в тумане, а я не научился прозревать в нем, как это делали библейские пророки. История помнит тех, кто проникал в нее силой своих уникальных навыков и даров.

– Большинство хваленых пророков, люди с большими умами, которые получают видения, но никто не может быть уверен, кто их посылает. Человек должен быть полностью очищен в своих мыслях от соблазнов и от обычных человеческих штативов, чтобы получить картины истины. Пророк, который убивает своими руками или божественными молниями, не может быть чистым, если он собирается дважды объявить его святым. Вспомни, что написано в Ветхом Завете о Святом Илии, и ты меня очень легко поймешь! Мало кто действительно видел будущее. И я скажу тебе, что судьба тех, кто знает свой завтрашний день, не для зависти, мой юный ученик. Тебе будет слишком скучно, если ты знаешь, что тебя ждет. Гораздо важнее быть готовым к любым вызовам и сюрпризам, будь то приятные или наоборот. Начертав свой путь еще до рождения, достаточно направить мысль правильным образом, чтобы она могла вести тебя по нему, не скатываясь в пропасти и Бездны, к греху и искушению греха, которое есть то же самое.

– Я немного не понимаю, почему это то же самое?

– Совершишь ли ты одно действие или захочешь это сделать-это все равно. Но все же мысль-это меньший грех, пото-

му что без действия никак не отразится на окружающем нас мире. Тем не менее, такие люди, как ты и я, должны воспитывать свое сознание, даже если мысль не допускает, потому что мысли, как дела, записываются в личной книге каждого. Это делается для того, чтобы, когда придет то время, измерить тебя по тому, что показывают весы. Как греческие боги помещали души героев на весы, так и божественный Судитель будет измерять в зависимости от того, в каком направлении склонятся весы. Эти вещи должны были быть вам уже известны из Зартоша, потому что они присутствуют во всех легендах и мифах древней мудрости. Их можно найти в книгах Индии и Египта. Но вернемся к твоему личному знаку, который будет поддерживать твои магические дела, исцеления, перевоплощения и самовоспитания.

И слишком болтливый в тот день благородный муж засунул в складки одежды своей, а, вынув руку, в ней сверкнул какой-то очень странный предмет. Я никогда не видел такого удивительного изделия, сделанного из серебристого металла, в которое вдавались еще более непонятные знаки. Я как-то испугался и интересно, почему я почти не почувствовал его в своей руке. Мне он показался таким легким и воздушным. Я поднес его к глазам и с интересом смотрел на незнакомые символы.

– Это очень старые изображения, которые, как я уже сказал, для всех имеют разное значение. Каждый маг делает свой талисман и копает в нем свои знаки, чтобы другой

не мог им пользоваться. А если кто украдет его, чтобы он был поражен небесным гневом, вполне заслуженно. Заклинания и мантры повторяются на протяжении веков одинаково, но у каждого мага есть своя Звезда, в которую он вкладывает часть своей души, а она звезда таким образом неразрывно связана со своим хозяином. Теперь ты берешь эту штуку и кладешь ее в глину, чтобы напечатать. Затем ты сам отливаешь его, разглаживаешь и полируешь, а в конце после серьезного рассмотрения высекаешь тонким долотом знаки, которые считаешь нужными, близкими к твоей сущности. Это медленный процесс, но никто не заставляет тебя бегать. Чтобы обладать нужными магическими качествами, этот медальон делается медленно, с любовью и осуществленными видениями. Кстати, то, что я тебе дал, это не мой амулет, так что не беспокойся о том, чтобы вернуть его мне прямо сейчас! Для тебя важно сохранить форму, размер и вообще внешний вид, а остальное будет формироваться твоей внутренней силой и волей.

– Хорошо, Учитель, но я не разбираюсь в литье металлов, да и где я найду это странное железо для моей личной звезды?

– Ты принц. В тебе течет особая кровь, и ты не можешь сделать медальон из простого железа. Я не знаю, из какого металла он сделан. У меня осталась память о моем учителе, который ушел из мира, обучая меня. Но перед этим он дал мне один плоский кусок того же металла, и я с помощью

простых инструментов целый месяц скребал его, резал и пилил, пока он не получился таким же, как его звезда по форме и размеру. Опять же, я вырезал знаки, большинство из которых явились мне во сне после долгих самоанализов. Ты будешь отливать его к кузнецу ближайшей деревни. И ты сделаешь это из чистого серебра. Ты захочешь, чтобы настоящий дал тебе серебряный подсвечник из церкви утварь. Кузнец покажет вам, как расплавить его в железном ведре и отлить в форму, которую вы сами будете делать из глины. Потом глину поджаришь в очаге, чтобы она не лопнула при отливке серебра. Само серебро мягкое и легко поддается обработке, поэтому с помощью одного ножа вы можете проголодать его и очистить от краев. Этим же лезвием вы можете углубить свои личные знаки, но лучше, чтобы кузнец сделал вам или дал вам какое-то тонкое долото вместе с небольшим молотком, которым вы могли бы ударить по нему. Остальное серебро ты отдашь кузнецу в благодарность. Он будет доволен, и работа будет сделана правильно.

Я поблагодарил Омида и побежал искать глину, чтобы сделать форму. Проще всего было сесть на лошадь и отправиться в деревню, где, помимо кузницы, я знал, что несколько человек делали всевозможные горшки из коричневой жирной глины. Это не работа для такого человека, как я, рыться какой-то лопатой в поисках чего-то, чего он не знает, где он находится. У этих людей было много материала, что это их ремесло. Деревенщины не догадываются, кто я та-

кой, но встречают меня радушно и, не задаваясь вопросом, почему и как, дали мне глину, а я перед ними совершенно ничем не уступая положила в нее звезду магов, чтобы получить хороший отпечаток. Затем я попросил их вместе со своими кувшинами и тарелками испечь и мою особую посудину, в которой я сделаю отливку. Мы договорились о том, что через два дня у них соберется достаточно сосудов для выпечки, что их печь была большой и очень красивой, и все гончары одновременно печали свои работы. Радостно и радостно я направился в кузницу, ведя коня за уздечкой. Кузнец сначала подумал, что я хочу подковать жеребца, который явно не был доволен короткой ездой и нетерпеливо переходил с ноги на ногу. Я объяснил, что мне больно. Крутой, дымчатый мужчина засосал в своем умысле рыжие усы, а затем кивнул в согласии, тем более сказав ему, что это будет сделано через два дня. Я попросил, чтобы он также приготовил мне небольшое, но острое долото, а также удобный молоток, которым я затем вырезал знаки в серебре. Затем он бросился в кузницу, потому что железо остыло и должно было снова нагревать его в печи.

«Интересно, как один не сказал мне ничего о деньгах за услугу?» — я думал об этом, когда ехал в монастырь. Я оставил лошадь в конюшне двух монахов, а потом вошел в магерню, что целый день не положил корку хлеба в рот. «Принцы также едят хлеб и пьют воду» — зародилось у меня в голове, да и каким принцем был я, изолированный от мира

в монастырской обители. Если подумать, то эта участь мне тогда явно нравилась, потому что она давала мне гораздо больше, чем ромейский Магна Аула. Странно, что я до сих пор не заметил сходства между словом «Аула» и названием «Аул», что означает башня, крепость, но и поселение, даже город. Насколько мне известно, это слово было привезено сюда из восточных земель моих предков. Как она оказалась столь важной для ромеев и не была ли она общей для наших народов много веков назад, интересно знать, но не откуда. Может, она была здесь с памтивека. Это было совсем не важно в данный момент, и мысль снова концентрируется на серебряной, семиконечной звезде, которая будет неизменной в моей жизни и осуществится при большинстве моих действий в помощь людям. Я вернулся в камеру, не позвонив никому. Мне нужно было побыть одному после всего, что случилось со мной в течение дня. Я выпил немного воды из кувшина, который постоянно держал у головы, и приляг на жесткий миндер. Я закрыл глаза, а перед ними сразу же появилась символическая металлическая роза с семью листьями. Я сразу вспомнил, что когда Зартош говорил мне о числах, неделя для него была самой важной, потому что, по мнению древних мудрецов, в ней содержалось все. Семь ступеней Вавилонского храма, столько пророков Ветхого Завета. Сколько еще недель, не хотелось бы думать, что у меня может болеть голова. Я уже знал, что через два дня звезда станет моей, потому что ничто не могло меня оста-

новить. Интересно, что я чувствовал себя очень уверенным, очень уверенным и еще более уверенным. Омид говорит, что это было очень медленно, но я не хочу, чтобы это было так. Тем не менее, знаки должны вдаваться точно в определенное время и в определенные дни года, то есть не спешить в своих желаниях. Я хочу ее немедленно, чтобы согреть мое сердце и сохранить мне жизнь, но мне придется сдерживать порыв. До тех пор, пока я ее отливаю, у меня будут знаки, которые я должен наложить на лучи, и я буду вырезать их, когда это будет необходимо. Семиконечная Серебряная роза замерзла у моих закрытых глаз и не двигалась, не говоря уже о том, чтобы убраться, но на ее листьях не было никаких признаков. Тем не менее, во мне уже назрела первая идея символа, который займет место посередине, в сердце, в очаге этого невиданного до сих пор рокового амулета. Я сохраню ту же печать, что и в центре того, что мне дал Омид. Он представляет три вертикальные черты, где средняя выше, чем две другие. Я уже знал, что там поставлю признак нашего рода, который род с древних времен рождал, создавал потомственных правителей и полководцев, и мне было непонятно, почему на омидовом стоит тот самый тотем рода Дуло. Я очень ясно сознавал, что этот особый знак приходит со времен до появления рода, но в этом нет ничего странного. Я попытаюсь поговорить с моими двумя учителями о значении трех вертикальных столбов, и у них, должно быть, есть готовый ответ, но что бы это ни значило, он уже

как бы углублен в середину моей будущей звезды. Я вспомнил, что Зартош рассказал мне о цифре Три, значение которой прозрели древние мудрецы. Самое главное из всех, кого мне поставил Учитель, на мой взгляд, это объединение духа, души и тела. Но не имеет значения и тот факт, что тройка обозначает геральдику каждого рода, а также право на три попытки в реализации определенной цели. В Библии написано «Бог троицу любит», как уже читается на церковном языке. От приятных чувств я открыл глаза, чтобы снова закрыть их, пытаясь увидеть семерку уже со знаком Дуло посередине. Но как будто нарочно, я совершенно ясно видел рабоша моего деда Бориса. Этот его тростник-жеzl охранялся моим отцом в особом месте в его покоях и под смертельным запретом был закрыт для всех, чтобы прикасаться к нему. Именно из-за этого запрета мы с моим братом Иоанном постоянно крали его с его места, играли с ним, а потом возвращали на место. И уже тогда, в годы моего детства, я заметил странные знаки на дереве, которые мой величайший дедушка оставил своими руками. Это был не обычный рабочий календарь, которым торговцы отмечали дни и недели. Нет, это был своего рода дневник, законник и приказник, который только его владелец понимает и консультирует в нужных случаях. Я до сих пор помню, как мой первый учитель и исповедник Кирч рассказывал мне о тайнах старых рун, которые знали только колобры и правители, рассчитывали, толковали. В моем сознании они открываются, как страни-

цы кодекса, эти нигде больше не встречающиеся изображения рабоша моего дедушки. Они начинают подкрадываться ко мне, как таинственные черви, которые, однако, не питаются мной, а приносят мне еду. Они наполняют меня чем-то несвязанным до сих пор, чем-то приятным и причудливым, диким и странным. Внезапно звезда магов вернулась. С невиданной до сих пор ясностью наполнил мой взгляд, а те знаки рабоша послушно выстроились по два на каждом луче, на каждом Серебряном листе. Я не спешил открывать глаза, потому что собирался все испортить. Я сосредоточил всю свою волю на запоминании расположения и самих отпечатков, и это не было большой трудностью для моего молодого мозга. Когда я убедился, что все запечатлено в моей мысли, я открыл глаза, встал и, не торопясь, взял чистый пергамент, положил на него звезду, которая дала мне Омид, а затем обрисовал по краям перо ее стороны. Наконец, на каждом луче я тщательно и медленно нарисовал знаки, как я видел их с закрытыми глазами. Когда я закончил, я понял, что посередине должен быть еще один шрам – три вертикальных столба. Три крепких колонны, которые служат опорой для целого народа или, может быть, того триединства, которое существовало за столетия до Святой Троицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.